

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К91

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Станислава Дудина

Куно, О.
К91 Безумный рейс : роман / Ольга Куно. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Другие
Миры).

ISBN 978-5-17-113043-5

Доводилось ли вам под влиянием момента поступать вопреки собственным принципам? Именно это произошло с зоологом Мариной Гинсбург, когда она поддалась эмоциям и похитила из лаборатории редкого инопланетного зверя, чтобы спасти его от смерти во время научного эксперимента. В один миг из преуспевающего учёного она превратилась в беглую преступницу...

ISBN 978-5-17-113043-5

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© О. Куно, 2019
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2019

ГЛАВА 1

Видеть цель, верить в себя и не замечать препятствий!

Фильм «Чародеи»

Звон бьющегося стекла резанул по ушам, заставляя отскочить от окна. Алекс, молодой лаборант, устроившийся на работу в Центре с полгода назад, прижался к стене с правой стороны. Мы с Янлин заняли позицию слева. После непродолжительной тишины снаружи возобновились гневные выкрики. Нервно переглянувшись, мы позволили себе отдышаться.

Нашими действиями руководил инстинкт самосохранения, но на самом-то деле сейчас в нем не было нужды. Разбить окно, сделанное из герцианского стекла, практически невозможно, разве что из эксплоудера по нему палить. Сегодняшняя акция была не первой, да и поведение обитателей лаборатории не всегда предсказуемо, поэтому ее владельцы уже давно озаботились вопросом безопасности. Так что демонстранты, скорее всего, крушили предметы, которые сами же и притащили с собой. Например, били о столбы бутылки из-под пива. Не слишком «по-зеленому», конечно, но с них станется. Они же борцы за правое дело, а такие люди считают, что им простительно решительно все.

Понимая, что инстинкты инстинктами, а прятаться все-таки глупо, мы потихоньку сошли с занятых позиций.

— Черт! Упорные ребята! — выдохнул Алекс.

— И колоритные, — добавила я, разглядывая через окно особенно специфического персонажа.

Борец за справедливость в рваных джинсах и серой майке, открывавшей на всеобщее обозрение татуировку в виде черепа, радовал нещадно.

— Если в течение ближайшего часа эти колоритные не растеряют своего упорства, нам снова придется здесь ночевать! — возмущенным полусшепотом посетовала Янлин.

Младший научный сотрудник проработала в лаборатории три года, то есть была, в отличие от нас с Алексом, старожилом и успела повидать всякое.

Отреагировать на это высказывание мы не успели. Перекрывая прочие крики, с улицы раздался дикий вопль какой-то экзальтированной демонстрантки:

— УБИЙЦЫ!!!

— Мило, что вы представились, — пробормотал Алекс. — Очень приятно, а мы — зоологи.

— Что шуточки шутишь? — раздраженно осадил его Янлин. — Ты, между прочим, здесь единственный мужчина. Мог бы как-то нас и защитить.

— Это как конкретно? — не особенно смутился лаборант. — Перестрелять их всех из бластера или, например, плазмомета? Я тоже боевики смотрю, ты не думай. Только ничего, что я не киллер, а биолог, а это как бы мирная профессия?

— Они там так не считают, — пробурчала я.

— Могу во второй раз вызвать полицию, — завершил свое выступление Алекс.

Мы с Янлин синхронно скривили губы. Полицию, как можно догадаться по высказыванию лаборанта, уже вызывали, и толку это не принесло. Флаер с синими мигалками прилетел, в громкоговоритель что-то покричали, и демонстранты послушно разошлись. Говоря точнее, разбрелись по близлежащим улицам. А стоило стражам порядка удалиться, борцы за права животных вернулись и принялись бороться за эти права с удвоенной ожесточенностью.

— Марина, потуши свет! — попросила Янлин. — А то темнеет, мы здесь скоро будем как на ладони.

Я согласно кивнула и перевела выключатель в положение «Off». В качестве альтернативы можно было опу-

стить жалюзи, но хотелось иметь возможность отслеживать происходившее внизу.

— И что они к соседней лаборатории не прицепились? — проворчала коллега, какое-то время понаблюдав за демонстрантами. — Там хоть правда опыты над животными проводят, а у нас здесь что?

Я болезненно поморщилась.

— А им без разницы. Ладно, о чем тут говорить. Пойдемте лучше зверей проведаем. Заодно посмотрим, можно ли тут правда устроиться на ночь. А то я лично сегодня по темному времени суток не рискну выходить на улицу.

— Да можно устроиться, — со вздохом успокоила нас Янлин. — За то время, что я тут работаю, всякое случилось, так что опыт есть. Главное, все мы люди свободные, дома никто не ждет.

— Я не свободный, у меня девушка есть, — запротестовал Алекс. Правда, возражал он не всерьез, все больше для виду. — Вот что я ей скажу?

— А ты дай нам с Мариной трубку, — вкрадчиво предложила Янлин. — Мы подтвердим, что да, ты действительно провел ночь вместе с нами.

— Спасибо! — Лаборант аж отпрянул от греха подалее. — Я лучше как-нибудь сам разберусь.

Коллега, которой только это и было нужно, первой прошествовала в соседнее помещение. Оно было очень просторным, хотя делилось на условные «подкомнаты» благодаря соответствующим образом расставленной мебели. В первой части располагались вольеры и клетки с нашими подопечными, вторая предназначалась для экспериментов и потому оставалась более-менее свободной, не считая встроенной видеоаппаратуры. Каждый приносил сюда то, что требовалось для работы с его животным и над его темой. В дальней, третьей части располагались столы с компьютерами, аппаратура, необходимая для расшифровки сделанных по соседству записей, и низенький холодильник с небольшим запасом перекусов — нет, не для нас, а для зверей. Это было нужно для сиюминутных поощрений. Основная часть продуктов

и кормов хранилась на кухне. В случае, если во время эксперимента кто-то работал с данными или читал статьи, он мог избавиться от шума, отгородив кабинет прозрачной стеной. Стоит ли уточнять, что у старших научных сотрудников имелись отдельные офисы, но к нам троим, засидевшимся сегодня до вечера, это не относилось. Впрочем, я очень надеялась, что в скором времени мои условия изменятся к лучшему и я сама превращусь наконец из младшего в старшего — хотя, вероятнее всего, в какой-нибудь другой лаборатории.

Последние девять лет своей жизни я посвятила академической карьере. Янлин была права: как и коллеги, я жила одна в небольшой, но уютной квартирке, которую снимала недалеко от лаборатории. Мои родители были живы и, к счастью, здоровы, но их дом находился на западном побережье Южного континента, в то время как почти все основные научные центры располагались в районе восточного. Так что когда-то давно мне пришлось перебраться на другой конец материка ради учебы на отделениях химии и биологии (специализация — космическая зоология) в престижном Континентальном университете Нового Парижа. С тех пор навещать семью удавалось два раза в год, в основном во время каникул. За восемь лет, то есть в довольно-таки короткий срок, я закончила бакалавриат, магистратуру по сравнительной психологии и защитила докторскую диссертацию. Затем наступила пора постдока, основная цель какового — приобрести опыт работы за пределами родного университета и написать как можно больше научных статей. И то, и другое впоследствии превращалось в чрезвычайно важные строчки моего резюме. Почти год я проходила практику в городском космозоопарке, а последние три месяца трудилась здесь, в Центре изучения инопланетных животных.

— Чтоб они были здоровы, эти демонстранты! — завуалированно выругался Алекс, едва мы зашли в просторную комнату.

Звери проявляли крайнюю степень беспокойства. Одни слышали то, что творилось снаружи, другие столь

острым слухом не обладали, но тонко чувствовали вибрацию либо улавливали наше психологическое состояние. Теперь кто-то ходил из угла в угол по вольеру, кто-то дрожал и нервно попискивал, кто-то ожесточенно скреб когтистыми лапами пол. Каждый выказывал тревогу по-своему.

— Так, всем по вкусу! — распорядилась я, подходя к вольерам.

Их обитатели, почувствовавшие себя спокойнее при нашем появлении, уже успели приблизиться к решеткам и прозрачным дверям и теперь настойчиво требовали внимания. Просунув руку между прутьями (вопреки правилам техники безопасности), я погладила по мордочкам миенгоподобных обезьян, потом почесала за ушком белого и невероятно пушистого гатобланко с планеты Дуэлла и наконец взяла за протянутую лапку длинноклюва (вообще неясно, с какой планеты). Последнее — и вовсе вопреки всем распоряжениям. Зверька, во многом напоминающего утконоса, привезли в лабораторию всего несколько недель назад, и к нему полагалось пока только присматриваться. Дескать, никто не знает, на что именно он способен: все-так почти не изученный вид, к тому же умеющий производить электрические заряды. Но ситуация сложилась, мягко говоря, внештатная, и я не собиралась оставлять без поддержки животное, которое за все время проживания в Центре ни разу не проявило агрессии.

Немного успокоив зверей, начали разбираться с ночлегом. В помещении имелся один диванчик, который мы решили выделить Янлин как старожилу. Разбредаться по разным комнатам сочли нецелесообразным. В лабораторию, конечно, никто не проберется, но вместе мы все равно чувствовали себя увереннее. Кроме того, основная часть кабинетов на ночь запиралась. Зато в подсобке имелась целая куча одеял и всевозможных тряпок, предназначенных, по идее, для наших подопечных, но новых либо как следует выстиранных, а значит, вполне подходивших и для нас. Так что соорудить импровизированные лежа оказалось не так уж и сложно.

— Чур, я сплю с Котоваськой! — бодро заявила Янлин, имея в виду гатобланко, получившего такое прозвище с ее же легкой руки.

— Угу, вопреки всем правилам безопасности, — скептически напомнила я.

Сама, конечно, только что нарушала, но одно дело — палец между прутьями, и совсем другое — инопланетный зверь в постели!

— Да ладно, — флегматично отмахнулась коллега. — Я свободная, незамужняя женщина, у меня даже зверюшку завести времени нет: я вечно на работе. Могу хоть раз в жизни поспать с кем-нибудь теплым и мягким?

— Будильник хотя бы включи, чтобы нас завтра начальство не застукало ненароком, — посоветовала я.

Девушка подняла большой палец, отдавая должное благоразумности совета, и принялась возиться с многофункциональными часами.

— Что будем делать? — поинтересовалась я.

Мы уже устроились в самодельных «кроватях», но спать пока не хотелось, да и время еще было, как принято говорить, детское.

— Обычно в таких случаях страшные истории рассказывают, — выдвинул предложение Алекс. — Или фильмы ужасов смотрят.

— Это про демонстрантов, которые громят лаборатории? — фыркнула Янлин, прижимавшая к себе крупного, белого и пушистого гатобланко.

Последний был, вне всякого сомнения, доволен. Зверьям наше присутствие вообще пошло на пользу. По-моему, они бы не возражали, если бы аналогичные акции проводились ежевечерне, дабы им удавалось столь же весело ночевать на регулярной основе.

— Или про страшных ученых, измывающихся над животными, — подхватил лаборант.

— О! — Янлин аж подскочила на диване, что заставило Котоваську ошалело выпучить глаза. — А это идея! Давайте Маринино интервью пересмотрим!

— Ой, не-е-ет! — запротестовала я, отчаянно мотая головой.

Увы, меня не поддержали. Наоборот, Алекс даже не поленился подняться с койки, чтобы включить галопро-ектор.

— Зачем?! — простонала я, не желая мириться с неизбежным. — Она же меня по стенке размазала.

— Ничего подобного! — категорично возразила Ян-лин. — Ты отлично ей отвечала.

— Угу, так отлично, что сейчас мы расхлебываем результаты, — проворчала я.

— Пф! Ты не виновата в том, что у некоторых людей нет мозгов.

Алекс запустил видео, и я нарочито отвернулась, твердо намеренная не смотреть. Но почти сразу вопреки всякой логике все-таки перевела взгляд на картинку.

Вид молоденькой журналистки в черной мини-юбке и пиджаке, выгодно подчеркивающим грудь, всколыхнул в моей душе не самые приятные эмоции, до поры до времени загнанные в подсознание.

— Мы беседуем с Мариной Гинсбург, научным сотрудником Центра изучения инопланетных животных.

— Постдокторантом, — уточнила на грани слышимости моя голографическая копия.

Ну, так-таки копия или нет, не знаю. Судить со стороны трудно; мне лично кажется, что в жизни я выгляжу несколько иначе. Но в общем и целом узнаваемо. Длинные черные волосы, собранные в тугий хвост, круглая форма лица, минимум косметики — ровно столько, сколько требуется, чтобы выглядеть прилично, — сосредоточенный взгляд зеленых глаз. Нет, от природы-то они карие, но с моей близорукостью приходится носить линзы. Заодно сменила и цвет — ну, захотелось мне так.

— Простите, постдокторантом, — с улыбкой исправилась журналистка. — Скажите, Марина, как давно вы работаете в этом центре?

Она вытянула в мою сторону микрофон.

— Почти три месяца.

На этом этапе я вела себя очень дисциплинированно и, не скрою, нервничала. Как-никак по телевидению

меня еще ни разу не показывали... Лучше бы и дальше так продолжалось!

— И что же исследуют в вашей лаборатории?

— Когнитивные и коммуникативные способности инопланетных видов.

Глаза журналистки округлились, смотрящие видео коллеги задорно захихикали. Я сообразила, что что-то сказала не так. Та «я», которая в записи. Нынешняя я просто сидела с горящими щеками, прикрывая руками лицо.

— Мы занимаемся инопланетными животными, — перевела саму себя я. — Стараемся разобраться, насколько они умны и как общаются.

Взгляд моей собеседницы прояснился, и стало ясно, что она готова продолжить интервью в запланированном заранее русле.

— Скажите, в вашей лаборатории проводятся опыты над животными?

Вот и он, первый каверзный вопрос. Я помедлила, разгадав подвох, но в итоге вынужденно ответила:

— Да. Но это не те опыты, о которых вы сейчас думаете.

— А какие же?

Я набрала в грудь воздуха, напряженно соображая, что сказать. Попробуй за одну-две минуты охватить такую широкую тему!

— Мы общаемся с животными. Играем с ними. Даем разные задачи и смотрим, как они с этими задачами справляются. Таким образом проверяем, способны ли они, например, считать, понимают ли разницу между треугольной и квадратной формой, какие цвета различают, какую информацию способны передавать друг другу.

— То есть вы дрессируете их, как в цирке?

Теперь в ее голосе проявляются обвинительные нотки. Зеленые уже давно выступают против цирковых номеров с участием животных. В чем-то я с ними согласна: есть звери, для которых такие представления — исключительно травма и стресс. Но есть и такие, кому работа с людьми, наоборот, в радость.

— Нет, — жестко отрезала я, уже понимая, с какой целью меня попросили «ответить на несколько вопросов». — Это не дрессировка. Мы не заставляем животных выполнять те или иные действия. Мы создаем экспериментальные условия и смотрим, как именно животные сами себя поведут.

— Ну хорошо, — нетерпеливо перебила меня журналистка: такие подробности не интересны ни лично ей, ни — что значительно важнее! — ее целевой аудитории. — Скажите, а вы держите зверей в клетках? Как в зоопарке?

— Почему именно в зоопарке? — Почувствовав агрессивное отношение с ее стороны, я тоже начала злиться. — Многих домашних животных тоже содержат в клетках.

— Вы изучаете домашних животных?

— Не только.

— И как они попадают к вам в лабораторию? Есть специальные люди, которые на них охотятся?

— Вот же стерва!

Это уже не в записи, это Алекс не выдержал и прокомментировал со своего ложа.

— Говорю же, выключайте! Зачем гадости на ночь глядя смотреть? — возмутилась я. — Мне вообще-то не доставляет удовольствия в очередной раз наблюдать, как из меня делают девочку для битья.

— Глупости, — отрезала Янлин. — Ты отлично ей отвечала. Уверена, нормальные зрители все поняли. Там чуть-чуть осталось, давайте уже дослушаем!

Пока мы спорили, моя голографическая копия уже успела ответить, что нет, охотников за головами мы не нанимаем, и вообще к нам прибывают только те звери, которые и так живут в неволе, зачастую с рождения. Соответственно, в естественной среде вполне могут и не выжить. Это, конечно, мою собеседницу ни в чем не убедило, зато она решила, что настало время вытащить туз из рукава.

— В вашем научном центре есть и вторая лаборатория, — напомнила она. — И нам достоверно известно,

что там проводятся опыты в том самом, традиционном смысле, на который вы намекали в самом начале. Там исследуют вирусы?

— Говоря точнее, ищут лекарства от вирусов.

— А в процессе гибнут ни в чем не повинные животные? Место мышей и кроликов заняли жертвы с других планет?

Очень глубокий вдох, затем столь же медленный выдох. Эта барышня знает, по каким точкам бить. Но критиковать других легко, а ты попробуй сделать лучше!

— Никто не преследует цели убивать животных, — вступилась за коллег я. — Больше того, в последнее время для подобных экспериментов все чаще используют специально синтезированные организмы. Возможно, когда-нибудь этого станет достаточно. Пока наука еще не достигла необходимого уровня.

— И страдают звери? — упрямо гнула свою линию девушка.

Ну, в плане упрямства ей как раз попался хороший оппонент. Мне этого качества тоже не занимать, иначе я вряд ли продержалась бы столько времени на академическом поприще.

— Я предлагаю, прежде чем выносить вердикт, посмотреть на ситуацию с другой стороны. И вспомнить, для чего все это делается. Вы хотите закрыть такие лаборатории, как у наших соседей? А отказаться от всех лекарств, разработанных в этих лабораториях, вы готовы? Оставить свою бабушку без средства от Альцгеймера, ребенка — без таблеток от ледяной оспы (вы как журналист, наверное, знаете, сколько детей погибло от этой болезни на трех планетах полвека назад)? Я уже молчу про такие мелочи, как исцеляющая бумага. На сегодняшний день мало кто представляет себе, как без нее вообще можно существовать. А ведь для разработки всех этих медикаментов проводились опыты, в том числе на животных. А средняя продолжительность жизни в сто двенадцать лет и три месяца? Вы знаете, сколько люди жили на Земле перед началом звездной экспансии? — Меня откровенно понесло. — По имеющимся

у нас данным — около восьмидесяти пяти лет. Вы чувствуете разницу? Как по-вашему, в чем причина?

— В том, что мы более бережно относимся к окружающей среде, — убежденно ответствовала журналистка.

— Это тоже фактор, но не основной. Главное — достижения современной медицины. Которые были бы просто невозможны без таких вот лабораторий.

Я махнула рукой в направлении здания, соседствовавшего с нашим. Впрочем, в поле зрения камеры оно все равно не попадало.

— То есть человеческие жизни за счет жизней других существ?

— Не только человеческие. Лекарства для животных тоже не появляются из ниоткуда.

— А вам самой доводится работать в той, второй лаборатории?

Резкий переход наводил на мысль о том, что мои ответы либо перестали вызывать у журналистки интерес, либо просто не соответствовали той концепции, которую она стремилась продвинуть в своей передаче.

— Нет, — холодно откликнулась я. Как бы ни обернулось «интервью», а, единожды согласившись в нем участвовать, самоустраниться уже не получится. — У нас каждый занимается своим делом. Вы же, например, снимаете передачи, а не пишете сценарии для фильмов ужасов?

Мимолетная неискренняя улыбка послужила мне ответом, после чего журналистка повернулась к камере.

— Итак, по утверждению нашей респондентки, она не принимает участия в тех убийствах, которые происходят в Центре. Долго ли будет продолжаться беспредел? Когда на нашей планете станут наконец-то полноценно соблюдаться права животных? С вами была, как всегда, Анита Рэйв.

Изображение погасло: проектор автоматически перешел на режим паузы, едва закончилась запись.

— Довольны? — огрызнулась я.

— Самое главное, что после этого они заявили громить нас, а не соседнюю лабораторию! — Янлин с нерв-